

Таким образом, выявленные казанские сюжеты переписки Державина отличаются информативностью и репрезентативностью, раскрывают Державина как личность (частного человека, дворянина-помещика Казанской губернии, человека с определенным сословным положением), дают представление о широком круге его связей в казанском обществе, о разнообразии межличностных отношений (родственные, дружеские и деловые связи, протектирование и др.). Материалы переписки являются актуальным источником для дополнения казанских и других страниц биографии Державина, и в целом - для более полной реконструкции его социального образа.

Литература

Сочинения Г.Р. Державина с объяснительными примечаниями (и предисл.) Я. Грота в 9 тт. – СПб: Изд-во Императорской академии наук, 1869. – Т.5. Переписка (1773 – 1793).

Сочинения Г.Р. Державина с объяснительными примечаниями (и предисл.) Я. Грота в 9 тт. – СПб: Изд-во Императорской академии наук, 1871. – Т.6. Переписка (1794 – 1816).

А.А.Соболева

Москва, Литературный институт имени А.М.Горького

Духовный путь человека в произведениях поэтов XVIII–XIX веков

Осмысление духовного пути человека занимает существенное место в стихотворениях поэтов XVIII–XIX веков. Размышления о том, какой должна быть жизнь и какова её конечная цель стало темой стихотворения М.Н.Муравьёва «Дай небо праздность мне, но праздность мудреца...» (1779 год):

Дай, небо, праздность мне, но праздность мудреца,
И здравие пошли, и душу, чувствий полну,
И слезы радости, как, став за волжску волну,
На персях лучшего спокоюся отца.

[Муравьёв 1967: 182]

В этом коротком произведении автор, обращаясь к небу, перечисляет качества, которыми хотел бы обладать. Говоря о праздности, поэт делает принципиально важное уточнение, желая «праздности мудреца», то есть речь идёт не о возможности отдыхать, о той «праздности унылой» [Пушкин 1995: 421], от которой просит избавить А.С.Пушкин в переложении молитвы Ефрема Сирина («Отцы-пустынники и жёны непорочны...», 1836 год), а о стремлении отказаться от бессмысленной суеты. Помимо «здравия», лирический герой просит «душу, чувствий полну». Исследователи творчества М.Н.Муравьёва отмечают, что чувствительность сердца является одной из основных черт мировоззрения поэта [Пашкуров 1997: 20], а бесчувственность понимается им как «нравственная смерть» [Кулакова 1967: 39]. Продолжают тему чувствительной души слёзы радости при встрече лирического героя с отцом. Третья и четвёртая строки стихотворения носят автобиографический характер, отец поэта

Н.А.Муравьев служил в должности председателя казённой палаты в Твери, куда сын, писатель, приезжал в отпуск. Волга упоминается как указание на конкретное место встречи с любимым и уважаемым родителем. Стихотворение «Дай, небо, праздность мне, но праздность мудреца...» перекликается с другими произведениями М.Н.Муравьева, в которых поэт впервые в русской литературе создаёт «образ безупречного отца, сумевшего стать для детей примером высокой нравственности» [Кулакова 1967: 30]. Особо следует обратить внимание, что в разбираемом стихотворении Муравьев рифмует слова «мудреца» и «отца», что вносит дополнительную краску в создаваемый поэтом образ. Перед читателем возникает предельно лаконичная картина идеальной жизни, наполненной семейным счастьем – главной отрадой чувствительного сердца.

Форма молитвы, в которой написано стихотворение Муравьева, позднее использовалась поэтами XIX века. В 1825 году Н.М.Языков создал «Молитву» («Молю святое провиденье...») [Языков 1934: 220]. Небольшое (8 строк) стихотворение представляет собой обращение к проведенью:

Молю святое провиденье:
Оставь мне тягостные дни,
Но дай железное терпенье,
Но сердце мне окамени.

Лирический герой Языкова не просит избавить его от испытаний, он молит о силе духа для их преодоления. Примечательно, что поэт создал данное стихотворение в молодости, когда он ещё не испытал тяжёлой болезни, вынужденного пребывания вдали от Родины, неприятия некоторыми критиками его произведений.

Во второй части стихотворения поэт говорит о конечной цели пути человека:

Пусть, неизменен, жизни новой
Приду к таинственным вратам,
Как Волги вал белоголовой
Доходит целый к берегам!

Земные испытания трактуются поэтом как путь к новой, высокой жизни.

Ключевое для понимания творчества Языкова стихотворение заканчивается сравнением лирического героя с Волгой. Используемый в стихотворении звуковой повтор служит «не для имитации каких-либо шумов (шорохов, грома и т. п.), а для звукового подчёркивания, выделения стиха или ряда стихов, усиления их эмоционального воздействия на читателя» [Холшевников 2004: 90]. Выбор звуков продиктован названием реки. Слово «вал» воспринимается как производное от слова «Волга» и фонетически, и лексически. Слова в 7 строке стихотворения расположены по принципу увеличения высоты: «Волги» – «вал» (часть реки, «большая волна, вода поднявшаяся от бури стеной, грядой, гребнем» [Даль 1998: 399]) – «белоголовой» (часть вала, голова – «верх или вершина» [Даль 1998: 906]). Так в строке создаётся восходящая линия, поддерживающая на лексическом уровне мысль поэта о духовном восхождении.

Особо следует обратить внимание, что Языков говорит не о реке вообще, а называет Волгу. Предпринятое нами детальное изучение образа Волги в произведениях Языкова выявило, что река в творчестве поэта становится, с одной стороны, символом родного дома, спокойной жизни вдали от бессмысленной суеты, а с другой – символом русской истории и народного характера, и, следовательно, источником вдохновения национального поэта. Е.В.Косинцева отмечает, что «вечное, неизменное течение вод любимой реки ассоциируется у поэта с цельностью. Река – это дорога жизни, это светлое, чистое начало» [Косинцева 2008: 71]. В связи с этим замечание исследователя стоит вспомнить о символическом значении водной стихии в Библии: «"Вода", служа воплощением грозных проявлений божества в виде "бушующего моря" или "стремительного потока", сопоставляемого также с "духом Божиим", является, с другой стороны, в качестве "райской реки" или "источника живой воды" символом благодатных свойств божества...» [Франк-Каменецкий 2004: 147]. Если первая составляющая библейского символа находит отражение в теме пловца, разрабатываемой во многих стихотворениях Языкова, то вторая – имеет существенное значение для понимания образа Волги в творчестве поэта вообще и в его стихотворении «Молитва» в частности.

Понимание земной жизни как на дороги к жизни вечной присутствует не только в «Молитве» Языкова, но и в произведениях других поэтов XVIII–XIX века. В стихотворении М.Н.Муравьева «Божие присутствие» [Муравьев 1967: 245] заявленный в заглавии мотив переплетается с характерным для поэта культом сердца («Повсюду бог, где кинем взоры, // И сердце чисто — храм его») и заканчивается утверждением бессмертия души («Могилы хладная дорога // Ведет в обитель жития».).

Сходные мотивы развиваются в стихотворении «К ручью» [Глинка 2009: 108–112], вошедшем в сборник «Опыты аллегорий, или иносказательных описаний, в стихах и в прозе» Ф.Н.Глинки (книга была одобрена цензурой в сентябре 1825 и издана в 1826 году). Лирический герой должен отринуть охватившие его сомнения:

...Есть Око над тобой;
И ведает и мерит
Оно твой путь земной...

Глинка говорит о присутствии Бога, о необходимости смиренно принимать «бури житейские» и творить добро. Жизнь человека прямо сравнивается с течением ручья:

Теки, живой ручей!
И скоро чрез могилу
В небесные поля
Прольёшься в полном блеске
В безвестный новый мир!

Сравнение близких по теме стихотворений помогает выявить индивидуальные особенности стиля поэтов и рассмотреть развитие художественных образов в истории русской литературы. В данном случае мы увидели как используется образ реки в раз-

мышлениях о жизненном пути человека, причём поэты понимают жизнь не только во внешнем материальном ключе, но в первую очередь говорят о жизни души. В стихотворении Муравьёва «Дай, небо, праздность мне, но праздность мудреца...» образ реки изначально носит биографический характер и приобретает более широкое символическое значение только на фоне христианского учения. Если в «Божием присутствии» Муравьёв радостно утверждает бессмертие души, то в стихотворении «К ручью» Глинки поводом к размышлению становятся сомнения лирического героя, которые разрешает невидимый голос, проникающий в сердце. Ручей у Глинки аллегоричен, он иллюстрирует излагаемые поэтом идеи. В «Молитве» Языкова создан сложный многоплановый образ, в котором течение реки становится символом пути человека через земные испытания к бессмертию души. Именно утверждение жизни вечной («обитель жития» у Муравьёва, «таинственные врата» «жизни новой» у Языкова, «безвестный новый мир» у Глинки) становится ответом на вопрос о духовном пути человека.

Литература

- Глинка Ф.Н.* Опыты аллегорий, или иносказательных описаний, в стихах и в прозе. – М., 2009.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1998. – Т. 1. – 1743 стб.
- Косинцева Е.В.* Образ реки в поэзии Н.М.Языкова // Шадринские чтения. Материалы третьей межрегиональной научной конференции по проблемам филологии и культурологи. 23–24 апреля 2008 г. – Шадринск, 2008. – С.70–76.
- Кулакова Л.И.* Поэзия М.Н.Муравьёва // Муравьёв М.Н. Стихотворения. – Л., 1967. – С. 5–49.
- Муравьёв М.Н.* Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1967.
- Паикуров А.Н.* Жанровые особенности поэзии М.Н.Муравьёва: Дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 1997.
- Пушкин А.С.* Полн.собр.соч.: в 19 т. – М., 1995. – Т. 3.
- Франк-Каменецкий И.Г.* Вода и огонь в библейской поэзии (Отголоски яфетического мирозерцания в поэтической речи Библии) // Франк-Каменецкий И.Г. Колесница Иеговы. Труды по библейской мифологии. – М., 2004. – С. 123–152.
- Холшевников В.И.* Основы стиховедения. Русское стихосложение. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004.
- Языков Н.М.* Полное собрание стихотворений. – М., Л.: Academia, 1934.